

Въ заавъ глумиваго
Уважениа Го Влса
консультатива Олгоу Вл
морежа Олгоу иллен
Огоуу Тонутнохон

Румоном

Перевогтан

1852 годъ

Август 4 годъ

This image appears to be a severely degraded or corrupted scan of a document page. It features a high-contrast, black-and-white aesthetic with a dense, abstract pattern of black dots, speckles, and short, irregular lines scattered across a white background. The pattern is most concentrated in the upper half and bottom right corner, while the lower-left area is relatively clearer. The overall effect is one of extreme noise and loss of original content, making any underlying text or graphics completely illegible.

СОЧИНЕНИЯ

ПАТОНА.

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

*Профессоромъ Санктпетербургской
Духовной Академіи*

КАРПОВЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1841.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.

Юня 25 дня 1841 года.

Цензоръ Архимандритъ Иоасафъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стрѣ на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе гении на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По сему Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себя того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бывають большею частію либо буквальные и подстрочные, какъ переводилъ Греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ,

либо перифрастическіе, какъ переводилъ Платона Г. Кузень. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувствованія древнихъ писателей очень не трудны; по тому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ — нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ оба эти способа и не достигаютъ своей цѣли, не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе почти вовсе бесполезны для читателей. Читая напримѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; во Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ Германскій рецензентъ недавно, говоря о Нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ:

die Uebersetzung ist, wie sie seyn muss, d. h., man bemerkt es nirgends, dass es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat. Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только въ половину справедливо. Хорошо конечно не узнать, что переводъ есть переводъ, однакожъ не менѣе нужно и то, чтобы сочинитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйствительно свое сочиненіе. По сему истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттенками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. In hac translatione conficienda, говорить Асть о своемъ Латинскомъ переводѣ Платона, *id potissimum contendî, ut, quae sunt interpretationis officia, et fidelem et latinam esse fingerem.*

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда

находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ. Признаюсь, — особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не другими Греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали, то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по Греческой пословицѣ, и боги не воюють (*). Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много,

(*) Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ Греческому, нежели Русскій; — и однакожъ Аотъ, переводъ Платона на Латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ Греческихъ терминовъ, составить слова: *dupliciloquentia* (*διπλασιολογία*), *sententiloquentia* (*γνωμολογία*), *simililoquentia* (*ἀναμολογία*), также *breviloquentia*, *superbiloquentia*, *superrefutatio*, *subdeclaratio*, *augeratio*, *insanitiō*, и проч. Я большею частію старался избегать такого словотворенія.

и что знатоеи дѣла, извѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинять подобныя неисправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать меньше, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ коментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Побужденіе къ составленію сихъ приложений, конечно не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется, то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается

въ разговорѣ, то предварительнымъ зна-
ніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которыя
Грекамъ были совершенно извѣстны, а у
насъ не существуютъ и представляются
чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ
различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на
образъ мыслей въ Греческомъ обществѣ,
то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и
поговорокъ, которымъ у насъ не представ-
ляется ничего соотвѣтствующаго, то
опредѣленіемъ цѣли сочиненія, и проч.
Все это необходимо для уразумѣнія Пла-
тоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснитель-
ныхъ приложений, требовало бы непре-
станныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось,
что читателю не бесполезно будетъ и пред-
варительное обозрѣніе содержанія каждой
бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать
за развитіемъ ея подробностей и наблю-
дать связь ихъ. Что же касается до фило-
логическихъ замѣчаній, то въ семъ отно-
шеніи я старался быть, сколько можно,
короче и позволялъ себѣ оныя только въ
мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты

•

видѣли причины такого, а не другаго переложенія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смелости объяснять Платона, если бы я не имѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по сему предмету. Но прежде нежели укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде полатини, чѣмъ погречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мірѣ разговоры его, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицинъ*, который перевелъ нашего философа на Латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно съ оригинала Платинова, и въ свой переводъ сперва внесъ много нелѣпостей и мечтаній

Александрійской школы, но послѣ, по совету Критянина *Марка Музура* (*), знаменитаго въ то время филолога и эллиниста, значительно исправилъ его, хотя Петръ Манній (**) все еще имѣлъ причину сказать: *Ficinum quidem religiose Platonem interpretatum esse, sed ita ut si ipse Plato legeret, pro suis non agnosceret.* Фицинъ сперва переводилъ Платона перифрастически, или, по словамъ Гуюція (***), *verborum quidem curam negligere. Ficinum, sententias dilatare nonnunquam, vel contrahere.* Это изданіе вышло

1482 года и называется *Флорентинскимъ I*. Въ концѣ его значится: *impressum Florentiae per Laurentium Venetum.* За нимъ слѣдовали:

1491 *Флорентинское II*, напечатанное роскошно, по повелѣнію и на счетъ Лаврентія Медичисъ.

(*) *Menag.* T. II. *Antibailleti*, p. 157.

(**) *Gaddii* T. II. *de scriptt. non ecclesiasticis* p. 144.

(***) *Huet.* *de clarr. interpr.* p. 295.

1491 *Венеціанское I*, вновь пересмотренное самимъ Фициномъ.

1517 *Венеціанское II*, съ показаніемъ содержаній каждого разговора, составленныхъ Фициномъ.

1518 *Парижское I*, озаглавленное: Opera Platonis latina a Mars. Ficino tracta.

1522 *Парижское II*, неболѣе какъ копія перваго.

1532 *Базельское I*, съ поправками Гринья.

1539 *Базельское II*, Гринеево.

1546 *Базельское III*.

1548 *Лейденское I*.

1551 *Базельское IV*, съ поправками Гринья.

1557 *Лейденское II*, къ которому присоединены шесть сомнительныхъ разговоровъ Платона, переведенныхъ Сев. Коррадомъ. Эти разговоры: Эриксиасъ, Акефалосъ, Демодохъ, опредѣленія, о добродѣтели, о справедливости.

1561 *Корнаріево*, подъ заглавіемъ: *Platonis Atheniensis, philosophi summi ac penitus divini, opera per lanum Cornarium, Medicum Physicum, latina lingua conscripta. Ejusdem eclogae decem additis Ficini argumentis et commentariis. Basileae.* Въ этомъ изданіи особенно цѣнятся критиками Корнаріевы эклоги, написанныя вслѣдствіе соображенія подлиннаго Платонова текста въ Альдовомъ и двухъ Базельскихъ Греческихъ экземплярахъ (см. ниже); такъ что Фридр. Фишеръ въ свое время счелъ полезнымъ напечатать ихъ отдѣльно и присоединить къ нимъ предисловія Альда Мануція, Симона Гривея и Марка Гоппера.

1567 *Лейденское III.*

1588 *Лейденское IV.*

1590 напечатанное съ Лейденскимъ Греческимъ подлинникомъ.

1592 *Лейденское V*, пересмотрѣнное Стефаномъ Тремулеемъ.

1602 — напечатанное съ Франкфуртскимъ, или Вехеліанскимъ Греческимъ текстомъ.

Вотъ всѣ Латинскія изданія Платоновыхъ сочиненій, получившія начало и развѣтлившіяся отъ Фицинова перевода, или отъ перваго Флорентинскаго кодекса. Между тѣмъ, какъ Платонъ мало по-малу былъ исправляемъ, очищаемъ и распространяемъ на языкъ Латинскомъ, нашлись люди, признавшіе нужнымъ пересмотрѣть и распространить самый подлинникъ твореній Греческаго философа. Первый, рѣшившійся осуществить это намѣреніе своими издержками, былъ Венеціанецъ *Альдъ Мануцій*. Его усердіе къ сему дѣлу простиралось до того, что онъ вызывался платить чистымъ золотомъ за исправленіе каждой ошибки въ Греческомъ, текстѣ Платона, и нашелъ себѣ ученаго дѣятеля, увлекавшагося не корыстію, а любовью къ общему благу. Тотъ самый *Маркъ Музуръ*, который, тридцатью годами ранѣе, совѣтовалъ Фицину, исправить переводъ Платоновыхъ сочиненій, теперь самъ наблюдалъ за вѣрностію предпринимаемаго *Альдомъ* изданія. Оно вышло въ